

Темное царство.

(Черты изъ жизни Московскаго Китая-города XVII вѣка).

VIII ¹⁾.

Торговые люди и покупатели.

Кипучая торговая жизнь Китая-города была полна разнообразныхъ казусовъ уголовнаго и гражданскаго характера, разрѣшавшихся на сѣвъжемъ дворѣ передъ судейскимъ столомъ объѣзжаго головы. Между многочисленными торговыми людьми царили постоянныя междоусобія: то и дѣло они другъ-друга „били, увѣчили и безчестили, драли за бороды“; одинъ приходилъ жаловаться, что на немъ „кафтаны сѣрый армячный новый, лѣвый клинъ выдрали“, другой заявлялъ, что на немъ „рубаху пестрядиную красной пестряди изодрали, цѣна той рубахѣ 20 алтынъ“; одного безчестили самой грубой „матерной“ бранью, другого обозвали „псомъ“, про третьяго злобное рядское остроуміе измыслило, что у него „въ брюхѣ семеро щепять“. Столкновения часто возникали на почвѣ конкуренціи. Случалось, что одинъ торговецъ „сбивалъ другого съ мѣста и насильствомъ на его мѣстѣ торговалъ“. Иногда же споры изъ-за торговыхъ мѣстъ сопровождались порчей товара или дракой между торговыми людьми. Стрѣлецъ Аванасій Семеновъ, торговавшій на Красной Площади яблочнымъ квасомъ, по возвращеніи со службы, на которой онъ пробылъ два года, „сталъ садиться“ на свое прежнее мѣсто, но „невѣдомо какого чину человекъ“, оказавшійся квасникомъ, Тимоѣемъ Степано-

¹⁾ См. „Русская Старина“ октябрь 1910 г.

вымъ, его „на то мѣсто не щуналь и браниль его и посуду у него перебилъ“. Въ другой разъ поссорились два торговца солониной, при чемъ одинъ „отодвинуль“ кадъ сосѣда отъ своего лотка, но такъ, что кадъ покатила въ сторону и долгое время валялась „порожня“ на площади, другой же, „повала на землю“, конкуррента „убилъ и, бивъ на землѣ, браниль всякою бранью“. Конкурренція выражалась и въ томъ, что одинъ торговецъ хулилъ передъ покупателемъ товаръ другого, изъ чего опять-таки возникало судное дѣло. 20 сентября 1687 года въ Калачномъ ряду „невѣдомо какого чину человекъ“ сторговалъ у торговца Ив. Карпова двуденежныхъ калачей на 10 алтынъ и „тѣ калачи велѣлъ ему для себя положить въ веко“; потомъ покупатель купилъ еще на 3 алтына 2 деньги калачей у торговца Семена Трофимова; этотъ послѣдній калачи Карпова охаялъ, „тому человеку братъ не велѣлъ, а вмѣсто тѣхъ калачей взять у калачника Григорія Никитина“; Карповъ жаловался, что Трофимовъ „его, Ивашкины, калачи засушилъ и отъ продажи его отбилъ“; Трофимовъ ссылался на принадлежащую всякому покупателю свободу выбора и утверждалъ, что „тотъ человекъ смотрѣлъ калачи у многихъ калачниковъ, и тѣ Ивашкины калачи тому человеку не полюбились“. Конкурренція часто выражалась въ порчѣ товара конкуррента: то одинъ мясникъ у другого на площади „вареное мясо и продажныя деньги“ сбрасывалъ съ лотка на землю, то у сидѣвшаго съ восковыми свѣчами патриаршаго „отсталого“ конюха служка Донского монастыря „обсыпалъ пескомъ свѣчи“, то на Спасскомъ мосту щенетильникъ у гребенщика „бросалъ ящикъ на землю и товаръ весь переламывалъ“, а къ сидѣвшему на Жемчужномъ перекресткѣ за щенетильнымъ товаромъ торговцу Дм. Иванову 27 мая 1687 года привязался того же ряда торговецъ Полуехтъ Яковлевъ и „учалъ его бранить и безчестилъ всякою неподобною скаречною бранью, невѣдомо за что, и товаръ весь засыпалъ сѣномъ, а какъ то сѣно стали съ того товару снимать, и въ ту пору у него товару пропало многое число“, такъ какъ товаръ былъ мелкій и рассыпчатый. Иногда торговцы обвиняли другъ друга въ кражѣ товара. Въ іюль 1687 г. Аптекарскаго приказа ученикъ Степанъ Дмитріевъ, торговавшій въ Зеленомъ ряду, заявилъ, что у него „украли изъ лавки бентюхъ съ снастями, да съ нимъ же пропала снасть же лѣкарская съ бентюхомъ съ мазми и съ пластырьми, да 10 рублей денегъ“. Узнавъ, что „тотъ бентюхъ объявился“ въ томъ же ряду въ лавкѣ Тимоѳея Вавилова, Дмитріевъ взялъ „того жъ ряду лучшихъ людей“ и „вынялъ то личное при тѣхъ третьихъ“. На сѣзжемъ дворѣ, куда былъ принесенъ „бентюхъ“, по осмотру „тотъ бентюхъ оказался мѣдный ветхій, паянъ серебромъ“.

Вавиловъ утверждалъ, что Дмитріевъ „за тотъ бентюхъ вклепался, что тотъ бентюхъ его“ ¹⁾).

Торговые счета также подавали поводъ къ ссорамъ и дракамъ. 7 августа 1693 года Свѣчнаго ряда торговый человѣкъ Аврамъ Ивановъ билъ челомъ на торговаго человѣка того же ряда Григорія Григорьева въ томъ, что Григорьевъ съ племянникомъ „учали его бить и увѣчить невѣдомо за что лубиною“. По показаніямъ свидѣтелей, дѣло обстояло нѣсколько иначе.

„Сидѣлъ онъ, Аврамка, показывали торговые люди, съ нимъ, Григорьемъ, на прилавкѣ, и учинился у нихъ счетъ о торговомъ дѣлѣ... и онъ, Аврамка, учалъ его, Григорья, бранить всякими неподобными словами, и онъ, Григорій, за ту брань, взявъ батогу (осталось невыясненнымъ, батогу или пруть) и ударилъ его Аврамку по спинѣ, и онъ, Аврамка, противъ тѣхъ побой ухватилъ доску и погнался за нимъ, Григорьемъ, въ ряду, и племянникъ его Игнашка ухватилъ Аврамку съ доскою и повалилъ на землю и доску у него отнял“.

Два торговца Сырейнаго ряда крѣпко побранились изъ-за того, что при покупкѣ мертвой коровы одинъ изъ нихъ „вязку не вязалъ“, т. е. отказался участвовать въ стачкѣ (вязкѣ) съ цѣлью сбивать цѣну. Торговцы часто ссорились изъ-за всякихъ пустяковъ, просто потому, что имъ было тѣсно въ рядахъ, а подчасъ и скучно, когда случалось сидѣть безъ почина за неимѣніемъ покупателей. Пришелъ, напримѣръ, торговый человѣкъ Жемчужнаго перекрестка Яковъ Михайловъ къ погребщикамъ, и, только успѣлъ сказать „прежь сего на этомъ мѣстѣ была дорога, а нынѣ вы сундуки заставили“, какъ погребщики „почали его бранить и бить и увѣчить“. Или, напримѣръ, торговый человѣкъ Серебрянаго ряда Дм. Климовъ „легъ на своемъ прилавкѣ спать, а ногами легъ къ лавкѣ“ торговаго человѣка Мих. Карпова; Карповъ „завернулъ его, Митькины, ноги въ его, Митькину, лавку и молвилъ ему, что де, Митька спишь, надѣяся де ты на бабушкины деньги“; тотчасъ началась драка; „Митька его, Мишку, за тѣ слова пхнулъ ногою, и Мишка за то его, Митьку, зашибъ молоткомъ, пробилъ въ дву мѣстѣхъ до крови голову“.

Отъ бездѣлья торговые люди играли и шутили другъ съ другомъ; эти игры также не всегда кончались добромъ. 25 августа 1691 года у Свѣчнаго Восковаго ряда подрался укусникъ Тимоѣей Леонтьевъ съ торговымъ человѣкомъ Иваномъ Кирилловымъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: сначала они „за любовь боролись, и въ игрѣ Тимошка бросилъ въ Ивашку орѣхомъ, и Ивашка про-

¹⁾ Пр. 1061, 53, 81, 124, 184, 205; Пр. 1512, 103, 200.

тивъ того въ Тимошку бросилъ орѣхомъ же, и Тимошка, на то осердясь, ударилъ Ивашку кулакомъ по глазу и глазъ вышибъ; и Ивашка напротивъ того бою билъ, и въ томъ бою Тимошка Ивашку пхнулъ къ себѣ въ погребъ, и Ивашка въ тотъ погребъ не упалъ, и передъ тѣмъ погребомъ Тимошка учалъ Ивашку бить кулаками и подъ животъ и въ рожу, и Ивашка, лежа, ударилъ Тимошку изъ-подъ себя кирпичемъ“. Результатъ игры оказался тотъ, что у одного шутника „на головѣ, на лѣвой сторонѣ было въ двѣ мѣстѣхъ зашибено до крови, и рука зашибена, и вспухло“, у другого „лѣвый глазъ подшибенъ и вспухъ“. Дикими шутками занимались и женщины: шапочница, на примѣръ, Прасковья Яковлева, подойдя незамѣтно къ шапочнику Науму Иванову „съ большимъ гвоздемъ, перерѣзала у него сзади межъ плечъ шубу“.

Во всѣхъ этихъ дѣлахъ замѣтна значительная доля ябеды: торговецъ, обидѣвшій другого, старался забѣжать впередъ со своимъ челоуитѣемъ, выставить потерпѣвшаго обидчикомъ; на сѣзжемъ дворѣ и истецъ и отвѣтчикъ безъ стыда заирались и отчаянно врали. Рѣдко встрѣчались отвѣтчики въ родѣ упомянутого выше Жемчужнаго перекрестка торговаго челоука Полуехта Яковлева, который съ грубою откровенностью заявилъ на сѣзжемъ дворѣ, что онъ „къ Мишкиной скамьѣ Иванова приходилъ, и бранилъ, и безчестилъ и ножемъ его похвалялся изрѣзать и товаръ его, Мишкинъ, сѣномъ засыпалъ, а, что того товару у него, Мишки, пропало, и за тотъ товаръ онъ плательщикъ будетъ“. Въ послѣднихъ словахъ виденъ прямой прародитель позднѣйшихъ Титовъ Титычей, державшихся правила „за безобразіе заплатимъ“.

Дикіе нравы Китая-города грозили всевозможными неприятностями людямъ, посѣщавшимъ всемосковское торжище. Никто, идя въ „городъ“, не могъ поручиться, что его тамъ не изругаютъ, а то и не избьютъ и ограбятъ. 30 мая 1693 года пѣвчій дьякъ Григорій Карсаковъ встрѣтился въ Скорняжномъ ряду со знакомыми и остановился поговорить съ ними; это не понравилось торговому челоуку Григорію Ѳедорову, который рѣшилъ разогнать дружескую компанію и „учалъ ихъ бранить и безчестить и сталъ мѣхами трестъ и пылью ихъ всѣхъ запылить“.

Одного покупателя, купившаго золота и серебра и отправившагося въ Кумашетый рядъ „прикупить кружева кумашетаго“, неизвѣстный ему сидѣлецъ „невѣдомо съ какого чину людьми“ не только „бранилъ и безчестилъ“, но и „золото и серебро, вытресши, отнялъ“; другого покупателя въ Крашенинномъ ряду торговый челоукъ Ив. Герасимовъ не только избранилъ, но и „учалъ аршиномъ желѣзнымъ бить“, а служкѣ Вознесенскаго монастыря Игнату Иванову въ

Книжномъ Овощномъ ряду торговые люди насыпали перца въ носъ и глаза ¹⁾).

При постоянныхъ дракахъ между торговцами легко можно было попасть въ такую драку и получить въ чужомъ пиру похмелье. Такъ, 4 сентября 1687 года братья—стрѣльцы Василій и Никита Терентьевы съ женами по семейному возвращались по Варваркѣ изъ гостей отъ брата своего и у церкви Варвары Христовой Мученицы наткнулись на „невѣдомо какого чину людей“, дравшихся между собою; внезапно ярость дравшихся обратилась на Терентьевыхъ, и „изъ тѣхъ людей выбѣжалъ одинъ человекъ—квасникъ съ работникомъ своимъ и учалъ Васильеву жену бить, невѣдомо за что, и кисею изодралъ, и Василю и брата его Никиту и жену братню били жъ и бранили всякою бранью и шапку съ Василю сбили и кафтаны на нихъ изодрали“. Для прохожихъ были опасны не только ссоры торговцевъ между собою, но и ихъ взаимныя любезности. Солдатъ Иванъ Шапочниковъ 27 сентября 1693 года проходилъ по Старому Гостинному Двору; увидавъ, что торговый человекъ Федоръ Федоровъ „замахнулся прутомъ жимолостнымъ на товарища своего“, Шапочниковъ основательно замѣтилъ: „не выколи мнѣ глаза“; это раздражило разыгравшихся торговыхъ людей, и они „учали“ Шапочникова „бранить и безчестить и называли его мошенникомъ и просили другъ у друга шелепа и хотѣли его бить шелепомъ“. Особенно было опасно для покупателя или прохожаго чѣмъ-нибудь затронуть интересы торговца. Воронцовской слободы тяглець Вавила Григорьевъ однажды шелъ съ товарищемъ по Никольской и внезапно былъ испуганъ тѣмъ, что какой-то ячникъ „схватилъ съ него шапку суконную, дикой цвѣтъ, цѣна той шапкѣ 4 деньги“ вмѣстѣ съ бывшими въ шапкѣ 13 алтынами 2 деньгами; оказалось, что Григорьевъ, самъ того не замѣтивъ, „у ячника на деньгу яиць разбилъ“. Не всегда кончались добромъ и пріятельскія отношенія къ инымъ торговымъ людямъ. 21 іюля 1687 года по Овощному ряду шелъ Огородной слободы тяглець Иванъ Григорьевъ съ товарищемъ своимъ Авдѣемъ Ивановымъ; торговый человекъ Кондратій Степановъ, настолько мало знакомый имъ, что они не знали, „чей онъ сынъ и какой слободы“, „призвалъ ихъ къ своей лавкѣ играть въ шахматы за любовь и послѣ игры учалъ ихъ бить и бранить и съ Ивашки сбилъ шапку, а изъ той шапки пропалъ платъ, а въ томъ плату завязаны были запаны золотыя съ алмазы“;

¹⁾ Б. 1360, 190, 361—366; Пр. 1061, 7, 81, 161; Пр. 1250, 83—86; Пр. 1512, 125, 155—159, 261.

Степановъ, правда, первый билъ челомъ на Григорьева и Иванова въ томъ, что они „учали его бить и безчестить, у товарища его у Анкиндики Алфимова ставъ масла деревяннаго пролили“, но предпочелъ помириться съ побитыми имъ шахматными партнерами, можетъ быть, даже, по обычаю Титовъ Титычей, „заплативъ побитымъ за изьянъ“. Не былъ гарантированъ отъ скандала и такой человекъ, какъ подъячій приказа Большого Дворца Мартынъ Хлѣбниковъ, прїѣхавшій 2 августа 1687 года въ Москву „изъ походу“ царя Петра изъ села Преображенскаго по казенной надобности „на Государевой лошади“; онъ поставилъ лошадь „по знакомству“ у погребщика кадашевца Родіона Савельева, а самъ пошелъ за живой рыбой къ Москворѣцкому мосту; на обратномъ пути на Ильинкѣ онъ встрѣтилъ Савельева, который на „той Государевой лошади хотѣлъ ѣхать, невѣдомо куды“; Хлѣбниковъ съ помощью торговыхъ людей отнялъ у Савельева „Государеву лошадь“, но погребщикъ „учалъ его и жену его и дѣтей бранить всякою бранью скаредною и учалъ его съ лошади за кафтанъ тащить и кафтанъ на немъ изодралъ и учалъ въ него кирпичемъ бросать“.

Забывая, что „не товаромъ Богъ кормить, а купцомъ“, т. е. покупателемъ, торговые люди Китая-города не всегда баловали ласковымъ обращеніемъ своихъ покупателей. Торговецъ иногда оскорблялъ покупателя за то, что покупаетъ не у него, а у сосѣда. Стрѣлецъ Семень Захаровъ, запасаясь къ зимѣ теплой одеждой, 20 сентября 1693 года пришелъ съ женой на Ильинку къ пушникамъ, торговавшимъ „бобровыми пухами“, и сталъ торговать пухъ у вдовы Ѳедоры Филатьевой; этимъ осталась недовольна другая пушница Авдотья Иванова и „учала его и жену его безчестить неподобною бранью“; на допросѣ, правда, оказалось, что Иванова Захаровыхъ „не бранивала, а бранила пушницу Ѳедору Филатьеву“, и брань попала въ покупателей мимо цѣли. Но иногда покупатель выслушивалъ брань не отъ какой-нибудь бабы—пушницы, а отъ солиднаго первостатейнаго купца: 24 іюня 1693 года человекъ стольника В. Г. Нарышкина покупалъ бѣлорыбицу въ Рыбномъ ряду, и „въ томъ ряду въ другой лавкѣ“ гостинной сотни торговый человекъ Борисъ Цолосинъ „бранилъ его и безчестилъ и билъ и увѣчилъ и кричалъ товарищемъ своимъ и сидѣльцомъ, чтобы его бить“. Старая пословица утверждала, что „купилъ, не купилъ, а поторговать можно“, но торговцы Китая-города не любили, когда у нихъ только прицѣнялись къ товару, а не покупали. 3 октября 1693 года человекъ думнаго дьяка Гаврилы Деревнина П. Загребинъ съ женою торговалъ въ Крашенинномъ ряду крашенину у торговца Романа Игнатьева и, „поторговавъ, прочь пошелъ“; за это Игнатьевъ „учалъ его бра-

нить и безчестить и называлъ его воромъ и мошенникомъ“. Въ то же почти самое время Преображенскаго полка потѣшный Игнатій Косточкинъ на Красной Площади у торговца Ал. Ларионова „торговалъ солоницу и чесночникъ и подсвѣчникъ и, не сторговавъ, пошелъ прочь“; Ларионовъ, разсердившись, „учалъ потѣшнаго бранить и безчестить и называлъ его боярскимъ холопомъ и оленьимъ ухомъ“. Недоразумѣнія возникали и изъ-за цѣны. 11 мая 1687 года тяглець Большихъ Лужниковъ Алфѣрь Осиповъ на Красной Площади торговалъ мясо у мясника Конст. Игнатьева; мясникъ просилъ за мясо 2 алтына 4 деньги, а Осиповъ давалъ только 4 деньги, т. е. совсѣмъ ни съ чѣмъ не сообразную цѣну съ точки зрѣнія мясника; Игнатьевъ, разсердившись на несговорчиваго покупателя, „учалъ его бранить всякою неподобною бранью за то, для чего де ты за то мясо даешь мало денегъ, и, взявъ часть мяса, ударилъ Осипова въ лицо и подшибъ глазъ“. Если торговецъ запрашивалъ лишнее, не безопасно было упрекать его за это. 16 мая 1687 года человекъ кн. Гр. Ѳ. Долгорукова Аѳанасій Красовскій захотѣлъ выпить яблочнаго кваса и пошелъ въ Коробейный рядъ, какъ еще на нашей памяти ходили съ этою цѣлью въ Сундучный рядъ; квасникъ Яковъ Борисовъ, случивъ съ него 6 денегъ, потребовалъ еще „лишку дву денегъ“; Красовскій заплатилъ и эти двѣ деньги, но неосторожно замѣтилъ: „для чего ты лишекъ берешь, отъ Бога тебѣ лишній грѣхъ будетъ“; этотъ деликатный упрекъ взорвалъ погребщика и онъ съ товарищемъ своимъ „учалъ Красовскаго бить смертнымъ боемъ“; на сѣзжемъ дворѣ Борисовъ утверждалъ, что Красовскій не платилъ денегъ, но, несмотря на это, онъ его не „бивалъ“; если первое и было вѣрно, то послѣднее оказалось неправдою, такъ какъ по осмотру у Красовскаго была „спина бита, сине и забаровѣло, и носъ разбитъ до крови, и губы перебиты“. Иногда торговцы вопреки условію не брали назадъ недоброкачественнаго товара, иногда, взявъ деньги, не отдавали товара. 18 іюня 1687 года человекъ стольника Григорія Лукьяновича Голосова Тарасъ Васильевъ купилъ въ Покромномъ ряду у кадашевца Ив. Васильева покромъ красной на 2 алтына 2 деньги „на уговоръ, будетъ де полюбится боярынь его, и она де возьметъ, а, будетъ, не полюбится, и тотъ торговый человекъ велѣлъ ему тое покромъ принести назадъ“; покромъ „не полюбилась“ Голосовой, но кадашевецъ, взявъ забракованную покромъ, не возвратилъ денегъ, уплаченныхъ за нее. Въ томъ же году крестьянинъ Сибирскаго царевича Василія Алексѣевича Иванъ Яковлевъ купилъ въ Ножевомъ ряду ножъ и купилъ не у какого-нибудь „походячаго“

торгаша, а у торговаго человѣка гостиной сотни Луки Иванова; но купецъ, по показанію Яковлева, получивъ деньги, „ножа не далъ и учалъ его бранить и безчестить всякою неподобною и скаредною бранью, невѣдомо за что, и бить изъ лавки совался“; Яковлевъ говорилъ расходившемуся купчинѣ: „за что ты меня бранишь и хочешь бить, али на тебя нѣтъ управы, поди, не грозися, не боюсь“; управу Яковлевъ искалъ, конечно, на сѣзжемъ дворѣ, гдѣ Ивановъ утверждалъ, что ссора вышла изъ-за того лишь, что они не сошлись въ цѣнѣ.

При такихъ поведкахъ торговыхъ людей едва-ли можно удивляться, что нѣкоторые покупатели говорили про ряды: „нельзя нашей братьѣ отъ воровъ прійти для покупки“.

Впрочемъ, иногда сами покупатели не были вовсе невинными агнцами и не уступали торговцамъ въ самодурствѣ и мошенничествѣ. 28 сентября 1687 года человѣкъ думнаго дьяка Василя Григорьевича Семенова Андрей Савельевъ на сѣзжемъ дворѣ билъ челомъ на двухъ торговыхъ людей Оконичнаго ряда въ томъ, что они „бранили его скаредною бранью и хотѣли бить“. На сѣзжемъ дворѣ встревожились этимъ челобитьемъ, такъ какъ думный дьякъ Семеновъ былъ начальникомъ Разряда и, слѣдовательно, высшимъ начальствомъ для самого объѣзжаго головы, и тотчасъ послали стрѣльцовъ въ Оконичный рядъ за торговцами. На допросѣ выяснилось, что Савельевъ, бывший въ ряду „по приказу своего государя“, велъ себя, какъ было въ пору самому думному дьяку Семенову: пробуя окончины, онъ изо всѣхъ силъ „билъ въ нихъ рукою“, не понравившіяся ему окончины „бросалъ на прилавокъ, говоря, худы де, ты денегъ не возьмешь за тѣ окончины“; хозяева этого хрупкаго товара были недовольны поступками Савельева, одинъ изъ нихъ сказалъ ему: „для чего де ты больно бьешь въ окончины, авось проломишь“, а другой прибавилъ: „пыталъ бы де ты постукать въ хозяинову голову, чья окончина, и голова бы де у него заболѣла“; отъ этихъ замѣчаній Савельевъ совсѣмъ вышелъ изъ себя, „избранилъ матерны“ торговца „для того, что то слово невѣжливо молвилъ и пошелъ изъ ряду вонъ“. Иные покупатели били торговцевъ и портили у нихъ товаръ. 16 сентября 1687 года къ сидѣльцу Федору Васильеву въ лавку пришелъ Новомѣщанской слободы тяглець Иванъ Романовъ и „сталъ его бранить и безчестить и говорить, у тебя де ухо отсѣчено и ты за то ухо взялъ пять рублевъ, и повалилъ у него скамью съ товаромъ съ яблоки на землю и тамъ товаръ перебилъ и перемаралъ и ногами перетопталъ, цѣна на 6 рублевъ съ полтиною“. 24 іюля 1693 года въ рыбный шалашъ къ торговцу Никитѣ

Кононову пришла компанія учениковъ „школы Святѣйшаго Патріарха“ „семги ѣсть“; одинъ изъ учениковъ оказался такимъ любителемъ семги, что изъ шалаша ушелъ босикомъ, оставивъ у рыбника „за поѣду“ свои „сапоги козловскіе черные“; 4 августа юный гастрономъ снова явился къ рыбнику и „просилъ ѣсть“, но Кононовъ „ѣсть ему не далъ“; въ отместку ученикъ пошелъ на сѣзжій дворъ и заявилъ, что онъ „положилъ по знакомству“ къ Кононову сапоги, и теперь Кононовъ „тѣхъ сапоговъ ему, Оскѣ, не отдаетъ и бранить и безчестить всякою неподобною бранью“; желая получше нагрѣть неговорчиваго рыбника „студентъ“ придумалъ сказать, что сапоги были не простые, черные, а „сафьяные алые“¹⁾.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Пр. 1061, 10, 22, 46, 113, 152, 163, 188, 203, 221; Пр. 1081, 214—221; Пр. 1512, 48, 86, 144, 157, 238, 244, 257, 286.